

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ПОЛОЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

УПРАВЛЕНИЕ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ПО ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ

**ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ
РАЗВИТИЯ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Сборник статей
международной научно-практической конференции
(Новополоцк, 26–27 сентября 2019 г.)

В двух томах

Том 2

Новополоцк
Полоцкий государственный университет
2019

УДК 343.13(063)
ББК 67.410.2я431

Рекомендован к изданию советом юридического факультета
Полоцкого государственного университета (протокол № 6 от 26.08.2019)

Редакционная коллегия:

Д. Н. Лазовский, ректор Полоц. гос ун-та, д-р техн. наук, проф.;
И. В. Вегера, дек. юрид. фак-та Полоц. гос ун-та, канд. юрид. наук, доц. (отв. ред.);
В. Г. Скрицкий, зам. начальника упр. Следственного комитета Республики Беларусь по Витебской обл., полковник юстиции;
Ю. Л. Приколотина, зав. каф. уголовного права и криминалистики Полоц. гос. ун-та, канд. юрид. наук;
А. И. Смирнов, начальник отд. анализа практики и методического обеспечения предварительного расследования упр. Следственного комитета Республики Беларусь по Витебской обл., подполковник юстиции;
О. А. Адамович, зам. начальника отд. анализа практики и методического обеспечения предварительного расследования упр. Следственного комитета Республики Беларусь по Витебской обл., подполковник юстиции;
В. А. Куряков, ст. преподаватель каф. уголовного права и криминалистики Полоц. гос. ун-та;
И. Н. Троицкая, ст. преподаватель каф. уголовного права и криминалистики Полоц. гос. ун-та.

Рецензенты:

В. В. Марчук, канд. юрид. наук, доц., директор государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»;
В. М. Хомич, д-р юрид. наук, проф., зав. информационно-методическим кабинетом государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»

Теоретико-прикладные вопросы развития досудебного производства по уголовным делам на современном этапе : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 26–27 сент. 2019 г. : в 2 т. / Полоц. гос. ун-т ; редкол.: И. В. Вегера (отв. ред) [и др.]. – Новополоцк : Полоц. гос. ун-т, 2019. – Т. 2. – 260 с.
ISBN 978-985-531-661-0.

В настоящий том включены материалы исследований, посвященные применению уголовно-процессуального права, криминалистическому и судебно-медицинскому сопровождению уголовного процесса.

Адресован практическим работникам, преподавателям, студентам юридических специальностей, а также всем, кто интересуется проблемами уголовного процесса, криминалистики и судебно-медицинской экспертизы по уголовным делам.

УДК 343.13(063)
ББК 67.410.2я431

ISBN 978-985-531-661-0 (Т. 2)
ISBN 978-985-531-659-7

© Полоцкий государственный университет, 2019

22. Договор между Республикой Беларусь и Боливарианской Республикой Венесуэла о взаимной правовой помощи по уголовным делам (подписан в г. Минске 16 октября 2010 г.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

23. Договор между Республикой Беларусь и Республикой Индия о взаимной правовой помощи по уголовным делам (подписан в г. Минске 5 октября 2005 г.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

24. Договор между Республикой Беларусь и Объединенными Арабскими Эмиратами о взаимной правовой помощи по уголовным делам (подписан в г. Абу-Даби 7 мая 2018 г.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

25. Договор между Республикой Беларусь и Демократической Социалистической Республикой Шри-Ланка о взаимной правовой помощи по уголовным делам (подписан в г. Минске 26 августа 2013 г.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

26. Договор между Республикой Беларусь и Турецкой Республикой о правовой помощи по гражданским, хозяйственным и уголовным делам (подписан в г. Анкаре от 13 марта 2012 г.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

27. Волеводз А. Г. О допустимости допросов иностранных граждан на территориях зарубежных представительств России / А. Г. Волеводз // Библиотека криминалиста. Научный журнал – 2014. – № 2. – С. 358-376.

28. О нормативных правовых актах: Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 130-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

29. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой Представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Республики 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

УДК 343.13(477) : 343.2/.7(477)

КОЛЛИЗИИ НОРМ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСОВ УКРАИНЫ

В. В. Навроцкая,

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета, Львовский государственный университет внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент (Львов, Украина)

Дальнейшее развитие уголовного и уголовного процессуального законов невозможно без выявления и устранения имеющихся в них недостатков. Взаимобусловленность и взаимопроникновение одного в другое, их тесная связь, то, что процессуальный закон дол-

жен исходить из уголовного, и, наоборот, уголовный закон должен учитывать процессуальный порядок его применения, определяют потребность в их совместном, параллельно-правовом исследовании.

Ключевые слова: межотраслевые связи, взаимосвязь норм уголовного и уголовного процессуального права.

Further development of criminal and criminal procedure laws is impossible without detection and removal of their faults. Interconditionality and interpenetration of one another, closest connection of criminal and criminal procedural laws, statement, that the criminal procedural law must arise from criminal, and, vice versa, a criminal law must take into account the procedural order of its application, determine a requirement in their joint, parallel-legal research.

Keywords: interbranch connections, interconnection of norms of criminal and criminal procedure law.

Вопросы, касающиеся взаимосвязей отраслей права и наук уголовного цикла, не могли остаться без внимания отечественных и зарубежных криминалистов. При этом подходы авторов, принадлежащих к континентальной правовой семье и семье общего права, кардинально отличаются. Например, в США для уголовного права и процесса используют различные термины для их обозначения, однако термин «уголовное право» охватывает как материально-правовую, так и процессуальную составляющую.

В странах англо-американской системы права уголовные процессуальные нормы и гарантии в основном рассматриваются как средство обеспечения прав человека. Следовательно, при их конфликте (коллизии) с положениями материального права, приоритет предлагается отдавать процедурным нормам. В то же время, адепты системы континентального права стоят на позиции разграничения, а иногда и противопоставления этих направлений правовой регламентации противодействия преступности. В спорных случаях проблему приоритета предлагают решать следующим образом: «материалисты» утверждают, что предпочтение в этом случае должно отдаваться материально-правовым нормам, а «процессуалисты» убеждены, что «первенство» здесь за процедурными нормами. Эта тенденция четко прослеживается в работах отечественных и зарубежных авторов (А. Васильченко, В.Г. Даева, Р. Е. Гукасяна, П. С. Элькинд, С. Келиной, М. Е. Павлова, М. И. Пикурова, А. Д. Прошлякова, А. В. Пушкаревой, В. М. Савицкого, М. С. Строговича, В. Я. Тация, К. Шадринной, Б. В. Яценко).

Несмотря на определенное внимание к этим вопросам, большинство проблем является остродискуссионными или вообще неисследованными. Это сказывается и на законодательстве, и на правоприменительной практике.

В большинстве работ, посвященных отдельным отраслям уголовного цикла, сложилось понимание характера взаимосвязи уголовного и уголовного процессуального права как нераздельных частей единого комплекса [1, с. 78-84; 2, с. 140-143; 3, с. 615-620; 4, с. 64-69; 5; 6; 7, с. 510-512; 8, с. 234-256; 9, с. 1094-1140]. Однако анализ положений УПК

Украины 2012 г. свидетельствует о том, что немало предложений его разработчиками внесено без учета тесной взаимосвязи, непротиворечивости, согласованности материального и процессуального уголовного права. Причем приходится констатировать, что этот недостаток не только сохраняется, но и, наоборот, прогрессирует.

Относительно недавно в Украине был введен в действие новый УПК. На него возлагают большие надежды, утверждая, что принятие этого закона приведет к усилению защиты прав и законных интересов подозреваемых, обвиняемых и потерпевших, обеспечению равенства и состязательности сторон обвинения и защиты, и, в целом, приблизит Украину к европейским стандартам. Действительно, многие новеллы, содержащиеся в этом Кодексе, являются прогрессивными, заслуживающими одобрения. Однако от некоторых уже существующих норм и институтов, как представляется, законодатель отказался абсолютно необдуманно.

Так, в УПК Украины 2012 г. не внесено положение его предшественника (УПК Украины 1960 г.), дающее право прокурору начинать расследование уголовных правонарушений, производство по которым осуществляется в форме частного обвинения, при отсутствии соответствующего заявления пострадавшего в том случае, когда из-за беспомощного состояния, зависимости от обвиняемого либо по иным причинам (в частности, в результате смерти) такое лицо неспособно самостоятельно отстаивать свои интересы.

Такой подход законодателя нелогичен хотя бы потому, что прокурор вправе по делам публичного обвинения по собственной инициативе предъявить гражданский иск в интересах не только государства, но и лиц, которые из-за физического состояния, материального положения, пожилого возраста, недееспособности или ограниченной дееспособности не могут защитить свои права (п. 12 ч.2 ст. 36 УПК Украины 2012 г.).

Невозможность начать уголовное производство в форме частного обвинения (ст. 477 УПК Украины 2012 г.) без заявления пострадавшего (кроме того, что интересы такого лица останутся без надлежащей защиты) может привести к тому, что уголовно-правовая оценка совершенного в отношении него действия будет неполной и неправильной.

Допустим, совершено деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 152 УК Украины (изнасилование). Впоследствии, опасаясь, что пострадавшее лицо подаст заявление с требованием начать соответствующее уголовное производство, его убивают. И, соответственно, пострадавший не успел сообщить работникам правоохранительных органов о совершении в отношении него преступления. В рассматриваемом случае лишение человека жизни следует квалифицировать по ч. 1 ст. 115 УК Украины (как простое умышленное убийство), а не по п. 9 ч. 2 ст. 115 УК Украины (как умышленное убийство с целью скрыть иное преступление, ответственность за которое, безусловно, является более суровой). Ведь для этого нужно, чтобы и предварительное

деяние было оценено как преступное. Однако такая оценка может быть сделана при условии, когда содеянное является противоправным, виновным, наказуемым, общественно опасным. Отсутствие хотя бы одного из этих четырех перечисленных признаков не дает возможности утверждать, что совершено преступление. Общественная опасность как обязательный признак преступления означает, что деяние причиняет либо создает реальную угрозу причинения существенного вреда объекту уголовно-правовой охраны.

В делах, уголовное производство в отношении которых осуществляется в форме частного обвинения, сам пострадавший (а в определенных законом случаях – его законный представитель) самостоятельно определяет, причинен ли ему деянием, предусмотренным уголовным законом, вред. А это объективируется в представлении правоохранительному органу соответствующего заявления. Если же, по его мнению, это не так, то, соответственно, отсутствует общественная опасность. А, следовательно, нет основания утверждать, что совершено преступление (в смоделированном случае – изнасилование), и, в свою очередь, последующее деяние – лишение жизни – нельзя квалифицировать по п. 9 ч. 2 ст. 115 УК Украины как умышленное убийство с целью скрыть иное преступление. Ведь оценка второго из деяний как преступного сомнений не вызывает, однако его квалификация может быть разной и зависит от того, подал ли пострадавший (либо его законный представитель) соответствующее заявление или нет. При таких условиях вряд ли приходится говорить о соблюдении основополагающего принципа уголовно-правовой квалификации – ее полноты.

Согласно УПК Украины 1960 г. в подобной ситуации с целью защиты, прежде всего, публичных интересов, уголовное производство об указанном деянии, несмотря на отсутствие жалобы потерпевшего (ведь умерший ее объективно подать не может), могло быть возбуждено прокурором.

По действующему УПК 2012 г. прокурор подобных полномочий лишен. И совершенно напрасно! Убеждена, что на случаи, когда волеизъявлению пострадавшего от преступления препятствуют физические или психические недостатки, зависимость от правонарушителя, иные уважительные причины (смерть в том числе), необходимо распространить действие принципа публичности, предоставив право прокурору начинать уголовное производство по собственной инициативе.

Конечно, категорически утверждать, что интересы такого лица вообще не подлежат защите, не следует. Ведь в данной ситуации (если в результате уголовного преступления наступила смерть либо человек находится в состоянии, исключающим подачу им соответствующего заявления), пострадавшим может быть признано одно или несколько лиц из числа близких родственников либо членов семьи, которое подало (которые подали) заявление о привлечении его (их) к производству как потерпевшего (ч. 6 ст.

55 УПК Украины 2012 г.). Вот они и могут ставить перед правоохранительными органами вопрос о привлечении обидчика к уголовной ответственности. Однако не следует забывать о том, что уровень правосознания и правовой культуры рядовых граждан не очень высок. Поэтому не исключено, что лица, которые в силу требований ч. 6 ст. 55 УПК Украины вправе ставить вопрос о признании их потерпевшими, не делают этого (в связи с незнанием предоставленной законом возможности, из-за недоверия к сотрудникам правоохранительных органов, из-за неуверенности в собственных силах и возможностях и т. д.). В конце концов, близкие родственники и члены семьи пострадавшего сами могут совершить преступление относительно него. Кроме того, не исключено, что у такого процессуально беспомощного пострадавшего вообще нет близких родственников либо членов семьи. Вероятно, об отстаивании справедливости, а также точности и полноты уголовно-правовой квалификации в подобном деле говорить не приходится.

Непродуманным, носящим конъюнктурный характер, является и отказ разработчиков УПК Украины 2012 г. от института направления дела на дополнительное расследование. Можно уверенно прогнозировать, что в будущем это приведет к значительному росту такой квалификационной ошибки как квалификация «с запасом», до принятия судом решения, которое не будет адекватно отражать содержание возникшего на момент совершения преступления охраняемого уголовного правоотношения, к тому, что порой станет невозможной реализация уголовно-правового принципа справедливости и целей уголовного наказания.

Ненадлежащий учет взаимосвязанности норм УК и УПК проявился и в таком нововведении как уголовный проступок. Изначально нужно было ввести понятие «уголовный проступок» в материальный закон, предусмотреть ответственность за совершение соответствующих деяний, и лишь затем в УПК прописать как осуществляется процесс их расследования. Более того, в ст. 497 УПК Украины 2012 г. предусмотрено, что к ребенку, которого обвиняют в совершении впервые уголовного проступка, и исправление которого возможно без применения наказания, суд вправе применить принудительные меры воспитательного характера. Если сейчас принудительные меры воспитательного характера применяются в случае совершения более легких общественно опасных деяний (преступления небольшой тяжести либо неосторожного преступления средней тяжести), то логично было бы применять их и к детям, совершившим деяние, которое будет занимать промежуточное положение между админпроступком и преступлением небольшой тяжести. Но в любом случае воз нельзя ставить впереди лошади: этот вопрос сначала должен быть решен в запланированном для принятия Законе Украины об уголовных проступках.

Нечеткость понимания того, что относится к предмету правового регулирования уголовного и уголовного процессуального права, привело

к тому, что в УПК Украины 2012 г. появились нормы, которые имеют чисто материально-правовой характер.

Так, в ч. 1-2 ст. 515 УПК Украины 2012 г. указано, что в случае выздоровления человека, который после совершения преступления заболел психической болезнью или у него наступило временное расстройство психической деятельности либо иное болезненное расстройство психики, лишаящие его возможности осознавать свои действия или руководить ими, суд (на основании заключения врачей-психиатров) прекращает применение принудительной меры медицинского характера. Это является основанием для дальнейшего проведения досудебного расследования либо судебного разбирательства. А далее, в ч. 3 этой же статьи, говорится о том, что в случае осуждения такого лица и назначения ему ареста, ограничения свободы, содержания в дисциплинарном батальоне военнослужащих либо лишения свободы, время пребывания его в медицинском учреждении засчитывается в срок отбывания наказания. Конечно, последнему положению место явно не в УПК.

Иной пример – положение ч. 1 ст. 502 УПК 2012 г., где предусмотрена возможность досрочного освобождения несовершеннолетнего, поведение которого свидетельствует о перевоспитании, от применяемой принудительной меры воспитательного характера. Признавая в целом важность применения мер поощрения (в отношении детей в том числе), их необходимость, все же приходится констатировать, что место такого положения – в Уголовном кодексе. Пока в последнем подобная норма еще не предусмотрена, такое стимулирование социально одобряемого поведения ребенка, несмотря на его социальную полезность, к сожалению, невозможно. Ведь согласно ч. 3 ст. 3 УК Украины: «Преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом». Безусловно, досрочное освобождение от применения указанных мер принуждения является одним из этих самых «иных уголовно-правовых последствий».

Ст. 536 УПК Украины 2012 г. «Отсрочка исполнения приговора» также является ярким свидетельством «независимости» (или, скорее, оторванности) материального и процессуального уголовных законов. В ней говорится о том, что при исполнении приговора по осуждению лица к исправительным работам, аресту, ограничению свободы, содержанию в дисциплинарном батальоне для военнослужащих, лишение свободы может быть отсрочено: 1) при тяжелой болезни осужденного, препятствующей отбыванию наказания – до его выздоровления; 2) при беременности осужденной либо наличии у нее малолетних детей – на время беременности либо до достижения ребенком трех лет (если лицо осуждено за совершение преступления, которое не является особо тяжким); 3) когда немедленное отбывание наказания может повлечь за собой исключительно тяжкие последствия для осужденного или его семьи в силу особых обстоятельств (пожар, стихийное бедствие, тяжелая болезнь или смерть единственного трудоспособного

члена семьи и т. д.). Таким образом, в УПК Украины 2012 г. содержится еще одно положение, материально-правовая природа которого очевидна.

Иногда нормы УПК не только определяют порядок применения норм уголовного права, но и расширяют содержание гипотез этих норм. Так, в УПК Украины установлен запрет на освобождение от уголовной ответственности при условии, что обвиняемый против этого возражает и требует продолжения производства по уголовному делу в общем порядке. При этом в соответствующих статьях УК ничего не сказано о таком условии освобождения от уголовной ответственности как отсутствие у обвиняемого возражений против этого. Предусмотренное нормами процессуального права отсутствие у обвиняемого возражений, является, по сути, дополнительным фактическим основанием принятия решения об освобождении от уголовной ответственности (не имея при этом никакого отношения к самой процедуре его вынесения).

Описание же фактических оснований освобождения от уголовной ответственности возможно только в нормах уголовного права. Очевидно, что в приведенном выше случае УПК Украины регулирует не порядок освобождения от уголовной ответственности, а дополняет описание юридических фактов, лежащих в основе такого освобождения (и содержащиеся в уголовно-правовых нормах), еще одним обязательным по своему характеру основанием – отсутствием возражений со стороны лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Конечно, если одним из оснований освобождения от уголовной ответственности является волеизъявление лица, преследуемого в уголовном порядке, то такое обстоятельство следовало бы изложить в гипотезах соответствующих норм УК, а не УПК.

Одним из преимуществ «разведенного» во времени принятия УК и УПК является то, что можно было бы взять на вооружение уже обнаруженные противоречия между «старым» материальным и процессуальным уголовным законом, прислушиваться к советам ученых и практиков по преодолению такой взаимной «неувязки» и, соответственно, избежать подобных недостатков в будущем. К сожалению, отечественный законодатель такой возможностью не воспользовался. Напротив, нередко он демонстрирует консерватизм, преимущество в заимствовании положений, от которых следовало бы отказаться, не учитывает дельные рекомендации исследователей. Едва ли не наиболее ярко эта «преданность» традициям правовой системы проявляется в регламентации применения принудительных мер воспитательного характера:

а) Спорным в материальном и процессуальном уголовных законах является подход законодателя относительно возможного количества применяемых к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного характера: так в ч. 3 ст. 105 УК Украины сказано, что их может быть применено несколько. А в ч. 1 ст. 447, п. 3 ч. 1 ст. 448 УПК Украины 1960 г. однозначно

было указано, что к ребенку может быть применена только одна из этих мер, аналогично решен этот вопрос и в п. 3 ч. 1 ст. 501 УПК Украины 2012 г.

б) Норма, определяющая материально-правовые основания для принятия решения о применении принудительных мер воспитательного характера к лицам, совершившим общественно опасное деяние, содержащее признаки деяния, предусмотренного Особенной частью УК Украины до достижения возраста, с которого может наступать уголовная ответственность (ч. 2 ст. 97 УК Украины), требует согласования с соответствующей нормой УПК относительно указания на нижнюю возрастную границу (11 лет) для применения соответствующих мер (ст. 498 УПК Украины 2012 г.).

в) Игнорирование взаимосвязи этих отраслей права выражается также в том, что УК Украины устанавливает основания для отмены решения о применении к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного характера (ч. 3 ст. 97 УК Украины), однако порядок принятия этого решения в УПК Украины 2012 г. так и не регламентирован.

Упущением УПК Украины 2012 г (заключающемся в неучтении взаимосвязей между положениями УК и УПК) является введение института присяги. Среди субъектов, которые должны приводиться к присяге в суде, названы свидетель (ч. 2 ст. 352 УПК) и эксперт (ч. 1 ст. 356 УПК). К сожалению, разработчики УПК Украины 2012 г. не учли вероятность ситуации, при которой участник уголовного судопроизводства откажется принять присягу (такой отказ может быть вызван любыми соображениями) перед исполнением процессуальных обязанностей. Что же тогда получается: возражение лица относительно приведения его к присяге перед допросом (либо перед дачей заключения) повлечет за собой невозможность признания такой процессуально значимой информации в качестве доказательств или невозможность дальнейшего привлечения этого лица к уголовной ответственности на основании ст. 384 УК Украины? Конечно, нет! Если же такие показания (и экспертный вывод) все-таки подлежат использованию в доказательной деятельности, то, в свою очередь, возникает вопрос: зачем предусматривать норму, которую можно проигнорировать, обойти? Поэтому представляется целесообразным вернуться к существующему ранее положению, согласно которому участника уголовного судопроизводства достаточно предупредить об угрозе наступления уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний (заведомо ложного заключения, заведомо неправильного перевода).

г) Из-за противоречия положений УК и УПК теряет свое процессуальное значение предусмотренное в УК Украины разграничение применения принудительных мер воспитательного характера – в случае освобождения от уголовной ответственности и наказания. Причем, такое разграничение случаев применения указанных мер не отображено и в новом УПК Украины 2012 г. В нем также (как и в УПК Украины 1960 г.) предусмотрена лишь

процессуальная форма освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности с применением к ребенку принудительных мер воспитательного характера (ч. 1 ст. 447 УПК 1960 г., ч. 3 ст. 497 УПК 2012 г.).

Связь материального и процессуального уголовного права проявляется и при определении круга деяний, относящихся к категории дел частного обвинения.

К материально-правовым основаниям выделения такой категории уголовных дел относится характер и степень тяжести совершенного преступления. В юридической литературе практически единодушным является утверждение, согласно которому деяния, дела по которым могут быть начаты не иначе как по заявлению частного лица, однозначно не должны относиться к тяжким либо особо тяжким преступлениям. Но в УПК Украины 2012 г. указанный подход законодатель иногда откровенно игнорирует. До недавнего времени (до 11.01.2019 г.) в УПК был с десяток деяний, уголовное производство в отношении которых осуществлялось в порядке частного обвинения, принадлежали к тяжким, а то и особо тяжким преступлениям! В частности, это деяния, уголовное производство в отношении которых до 11.01.2019 г. осуществлялось в порядке частного обвинения, и предусмотренные ч. 2 ст. 152, ч. 4 ст. 185, ч. 4 ст. 186, ч. 3 ст. 189, ч. 3 ст. 190, ч. 2 ст. 3641 УК Украины, являлись (и являются) тяжким преступлениям, а деяния, предусмотренные ч. 5 ст. 185, ч. 5 ст. 186, ч. 4 ст. 189, ч. 4 ст. 190 – это вообще особо тяжкие преступления! Поэтому они однозначно не должны были принадлежать к делам, производство относительно которых осуществляется в порядке частного обвинения.

Сейчас законодатель отнес большинство из этих деяний к тем, производство по которым осуществляется в порядке публичного обвинения, однако ситуацию полностью не исправил. Ведь деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 3641 УК Украины (и которое является тяжким преступлением), теперь (как и раньше) все еще относится к производству дел частного обвинения.

Существенной характеристикой деяний данной категории является также специфичность объекта посягательства, характер охраняемых благ. Представляется, что «многообъектные» преступления, направленные и против интересов частного лица и против публичных интересов, ни при каких условиях не должны быть включены в перечень деяний, уголовное производство по которым начинается не иначе как по заявлению частного лица.

Поэтому, вне всякого сомнения, ошибочным является отнесение законодателем к делам, уголовное производство в отношении которых осуществляется в форме частного обвинения, деяний, предусмотренных, к примеру, ст. 2031 УК Украины – «Незаконный оборот дисков для лазерных систем считывания матриц, оборудования и сырья для их производства»; ч. 1 ст. 206 УК Украины – «Противодействие законной хозяйственной деятельности»; ст. 219 УК Украины – «Доведение до банкротства»; ст. 229 УК

Украины – «Незаконное использование знака для товаров и услуг, фирменного наименования, квалифицированного указания происхождения товара»; ст. 231 УК Украины – «Незаконный сбор с целью использования или использование сведений, составляющих коммерческую либо банковскую тайну», ст. 232 этого же Кодекса – «Разглашение коммерческой или банковской тайны»; ст. 2321 УК Украины – «Незаконное использование инсайдерской информации»; ст. 2322 УК Украины – «Соккрытие информации о деятельности эмитента».

С учетом приведенных выше соображений, к делам, уголовное производство в отношении которых осуществляется в форме частного обвинения, не должны принадлежать также дела о преступлениях, находящихся в разделе XVII УК Украины «Преступления в сфере служебной деятельности». Поэтому отнесение законодателем к такой категории дел деяний, предусмотренных ст. 3641 УК Украины «Злоупотребление полномочиями должностным лицом юридического лица частного права независимо от организационно-правовой формы» и ст. 3652 этого же Кодекса «Злоупотребление полномочиями лицами, предоставляющими публичные услуги», является абсолютно безосновательным.

Следует отметить, что к рассматриваемой категории не могут также принадлежать преступления, специальным субъектом которых является должностное лицо, но содержащиеся в иных главах УК Украины. Ведь использование виновным своего служебного положения предполагает причинение вреда не только интересам частных лиц, но и интересам службы, затрагивает публичный интерес. Итак, уголовное преследование таких деяний должно осуществляться в публичном порядке. Законодатель в УПК 2012 г. также отходит от общепризнанных в науке материально-правовых оснований выделения дел, уголовное производство в отношении которых осуществляется в форме частного обвинения, и относит к делам этой категории деяние, предусмотренное ч. 3 ст. 229 УК Украины.

Стоит обратить внимание и на неразработанность проблемы, связанной с ситуацией, при которой у подозреваемого (обвиняемого) присутствуют все предусмотренные уголовным законом признаки лица, подлежащего уголовной ответственности, однако данные об этом лице установить не удалось (например, лицо вообще отказывается сообщить какие-либо сведения о себе или же называет себя вымышленным именем). Анализ положений нового УПК 2012 г. приводит к выводу о том, что они не позволяют привлечь к уголовной ответственности и осудить человека, обладающего всеми признаками субъекта преступления, личные данные которого не установлены. Конечно, можно присвоить такому лицу фамилию, имя и отчество аналогично процедуре, известной законодательству о записи актов гражданского состояния. Однако для реализации такого предложения требуется внесение соответствующих изменений и дополнений в Уголовный процессуальный закон.

Таким образом, изучение взаимосвязи между уголовным правом и процессом является необходимым объектом их исследования. Без глубокого изучения таких связей нельзя должным образом развивать ни уголовный процесс, ни уголовное право. Уголовное процессуальное и уголовное право хотя и являются самостоятельными отраслями права с присущими им предметами правового регулирования, однако эффект их правового воздействия обеспечивается лишь в рамках единого уголовно-правового комплекса. Изъятие из этого комплекса правовых норм хотя бы одной из его составляющих делает другие его части нежизнеспособными. Разрыв, обособленность и обусловленная этим несогласованность и противоречивость уголовного и уголовного процессуального закона, наличие серьезных пробелов и неясностей в законах служат преградой на пути уяснения их правовых предписаний, иногда создавая непреодолимые проблемы в их применении.

Игнорирование системообразующих связей между «родственными» отраслями законодательства и недостаточно четкое разграничение предметов правового регулирования нередко приводит к межотраслевым коллизиям. Это создает немалые трудности в процессе правоприменительной деятельности, иногда приобретают особую остроту из-за отсутствия в законодательстве правил преодоления коллизий.

При этом, как представляется, коллизия уголовно-правовых и уголовных процессуальных норм должна решаться в зависимости от того, к сфере регулирования какой отрасли права принадлежит определенный вопрос, который вызывает коллизию. Если уголовный процессуальный закон «пытается» урегулировать вопросы материального уголовного права, то предпочтение должно быть отдано уголовному закону. В противном случае приоритет должен иметь уголовный процессуальный закон.

Список использованных источников

1. Болдарь Г. Є. До питання про форми міжгалузевої взаємодії кримінального права України. Теоретичні та прикладні проблеми кримінального права України: матеріали між нар. наук.-практ. конф., м. Луганськ, 20-21 травня 2011 р., Луган. держ. ун-т внутр. справ ім. Е.О. Дідоренка. Луганськ: РВВ ЛДУВС ім. Е.О. Дідоренка, 2011. – С. 78–84.

2. Марін О. К. Кримінально-правові проблеми нового КПК України. Кримінальний кодекс України 2001 р.: проблеми застосування і перспективи удосконалення: тези доповідей та повідомлень учасників Міжнародного симпозіуму, 21-22 вересня 2012 року. Львів: Львівський державний університет внутрішніх справ, 2012. – С. 140–143.

3. Мартыненко Н. Э. Уголовно-правовая защита потерпевшего. Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: материалы VI Российского Конгресса уголовного права (26-27 мая 2011 года). Москва: Проспект. – С. 615–620.

4. Незнамова З. А. Коллизии норм материального и процессуального права Российской юридический журнал. 2003. – № 1. – С. 64–69.

5. Павлов Н. Е. Уголовно-процессуальное законодательство и уголовный закон (проблемы соотношения и применения): дис. ...д.ю.н.: 12.00.09: уголовный процесс; криминалистика; теория оперативно-розыскной деятельности / Москва, 1999. – 536 с.

6. Прошляков А. Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права: дис. ... д.ю.н.: 12.00.09: уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность / Екатеринбург, 1997. – 271 с.

7. Ткачук І. С. Термінологічна неузгодженість норм кримінального та кримінально-процесуального законодавства як прояв міжгалузевої колізії. Теоретичні та прикладні проблеми кримінального права України: матеріали II міжнар. наук.-практ. конф., м. Луганськ, 19-20 квітня 2012 р. Луганськ: РВВ ЛДУВС ім. Е.О. Дідоренка, 2012. – С. 510–512.

8. Навроцька В. В. Взаємозв'язки та колізії норм КК й КПК України. Вісник Львівського державного університету внутрішніх справ. 2016. Випуск 1. – 234–256.

9. Навроцька В. В. Кримінальний процесуальний та кримінальний закон: взаємозв'язки й колізії. Кримінальний процесуальний кодекс 2012 року: ідеологія та практика правозастосування: колективна монографія / За заг. ред. Ю.П. Аленіна; відпов. за вип. І.В. Гловюк. Одеса: Видавничий дім «Гельветика», 2018. – С. 1094–1140.

УДК 343.263

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Г. А. Савчук,

доцент кафедри конституційного і адміністративного права, Академія управління при Президенті Республіки Беларусь, кандидат юридических наук, доцент (Мінск, Республіка Беларусь)

В статье изложены проблемные аспекты законодательного регулирования мер пресечения в виде залога, домашнего ареста и заключения под стражу, рассмотрена практика их применения в досудебном производстве по уголовным делам, сформулированы авторские предложения по совершенствованию правового механизма названных мер пресечения.

Ключевые слова: домашний арест, залог, заключение под стражу, меры пресечения, уголовный процесс.

In article problem aspects of legislative regulation of measures of restraint in the form of pledge, house arrest and detention are stated, practice of their application in pre-judicial criminal cases production is considered, author's suggestions for improvement of a legal mechanism of the called measures of restraint are formulated.

Keywords: house arrest, pledge, detention, measures of restraint, criminal trial.

Республика Беларусь как правовое социальное государство предпринимает меры, содействующие укреплению законности и правопорядка, проводит эффективную правовую политику, направленную на борьбу с преступностью и обеспечение прав, свобод и законных интересов личности, попавшей в орбиту уголовно-правовых отношений. Уголовная политика как

Научное издание

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ
РАЗВИТИЯ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Сборник статей
международной научно-практической конференции

(Новополоцк, 26–27 сентября 2019 г.)

В двух томах

Том 2

Ответственный редактор *И. В. Вегера*

Техническое редактирование *И.Н. Чапкевич*

Компьютерная верстка *Т.А. Дарьяновой*

Дизайн обложки *М. С. Мухоморовой*

Подписано в печать 16.09.2019. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 15,08. Уч.-изд. л. 17,18. Тираж 170 экз. Заказ 810.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Полоцкий государственный университет».

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/305 от 22.04.2014.

ЛП № 02330/278 от 08.05.2014.

Ул. Блохина, 29, 211440, г. Новополоцк.